

JOURNAL OF ROMAN STUDIES за 1947—1951 гг.

Рецензируемый ежегодник издается обществом по изучению Рима — Society for promotion of Roman Studies. Помещенные в нем за рассматриваемые пять лет статьи и рецензии являются достаточно наглядным показателем состояния буржуазной английской науки о древнем Риме на сегодняшний день. Общий упадок буржуазной культуры наложил свой глубокий отпечаток и на эту область знания. Авторы статей в JRS не ставят перед собой крупных и серьезных задач, не пытаются решать большие исторические проблемы. Подавляющее большинство статей посвящено мелким, незначительным вопросам; это описания отдельных археологических находок и памятников или разбор отдельных мест и терминов из литературных источников, или, наконец, попытка уточнить отдельные мелкие моменты в истории римской администрации и политики. Все это никак не связывается с общими крупными проблемами социальной, экономической, культурной истории Рима и провинций. Большинство рецензий представляют собой простой пересказ книг с отдельными мелкими замечаниями. Хотя отдел рецензий и разделен на две части: «Обзоры и обсуждения» (Reviews and discussions) и «Обзоры и заметки» (Reviews and notices of publications), разница между этими частями фактически очень незначительна. Обсуждение, дискуссия, творческая работа мысли, как правило, отсутствуют и в той и в другой части. Наибольшее место в журнале отводится археологическим публикациям; в специальном разделе — «Roman Britain» публикуются ежегодно результаты раскопок в Великобритании; кроме того археологические находки публикуются и в отдельных статьях. Однако все археологические данные в основном даются как сырой материал, как чисто вещеведческое описание памятника; авторы не останавливаются на значении находок для исторической науки. В лучшем случае приводится лишь сравнительный материал, делаются попытки проследить «влияния», установить «заимствования», но опять таки без учета

конкретных исторических условий и без каких-либо исторических выводов. Так создается внешнее впечатление «чистой науки», будто бы не связанной с политикой; один из видных романистов, Момильяно даже специально подчеркивает разницу между «историками» и «пользующимися дурной репутацией социологами и юристами» (1949, стр. 155). Но, конечно, эта видимость может ввести в заблуждение только самого неопытного читателя. За тонкой дымкой аполитичности скрывается глубокая реакционность: видимость беспристрастия не может скрыть того, что изучение древнего Рима поставлено английскими буржуазными «учеными» на службу идеализма в истории и империализма в политике.

В некоторых статьях¹ и особенно в рецензиях на книги, посвященные общим проблемам, эта глубокая реакционность выступает без какой-либо маски. Особенно характерны в этом смысле работы Г. Ласта. В томе JRS за 1947 г., посвященном Н. Бейнзу, Ласт напечатал письмо к юбиляру, в котором делится с ним своими новыми «идеями» (стр. 152—156). По его словам, напрасно была раскритикована теория Зеека о «вымирании лучших», как о причине гибели античного мира. Ласт считает, что теория эта пужается только в некоторых коррективах, так как Зеек, мол, еще не знал новых биологических «учений», согласно которым в аристократических и богатых семьях бесплодие становится наследственным. По мнению Ласта, этот «закон биологии» подтверждается тем, что и в Англии «вымирают лучшие», т. е. английские пэры, обычно вступающие в брак с богатыми наследницами.

Чем же могут тут помочь историки древности? По идее Ласта, они должны изучать, из каких слоев населения следует пополнять вымирающую аристократию. С этой точки зрения Ласт, например, считает, что привлечение Августом к управлению такого «нового человека», как Агриппа, было великим благом для Рима. Однако, продолжает Ласт, даже самые лучшие правители не могут воевать, если за ними не пойдут управляемые. И поэтому он призывает изучать настроения и чувства низших классов империи, дабы установить, что заставляло их воевать. Он полагает, что римская армия «благо творно» влияла на «дух» провинциалов, но считает, что вопрос этот выяснен недостаточно, и предлагает Бейнзу, как самому опытному и эрудированному из английских античников, возглавить изучение «истории чувств» в указанном направлении. Таким образом, Ласт связывает наиболее реакционные биологические «теории» с «идеями», развитыми немецко-фашистскими историками. В результате получается полностью приспособленная к интересам и потребностям империалистических кругов «программа» изучения истории Рима. Особенно знаменательно, что из всех статей, напечатанных в JRS за пять лет, это единственная статья, в которой в той или иной форме упоминаются широкие массы римского мира; да и то английский буржуазный историк вспомнил о народных массах только потому, что его волнует вопрос — как обратить народ в безропотное пушечное мясо.

Любопытны с точки зрения использования римской истории для проповеди современной империалистической агрессии и две другие статьи Ласта: его рецензия на «Oxford classical dictionary» (1949, стр. 193—195) и небольшая статейка «Rome and the druids» (там же, стр. 1—5). В обеих этих работах Ласт исходит из положения, что Западная Европа, под которой он подразумевает только часть Европы, некогда входившую в состав Римской империи, и Америка являются наследниками. посетителями и продолжателями античной цивилизации. Кстати сказать, как видно на примере разобранных далее статей и рецензий, эта «теория» принимается буржуазными английскими историками вообще как некая аксиома, хотя они при всем своем старании не могут обнаружить какие-либо следы влияния культуры Греции и Рима на США. Однако недостаток фактов их не смущает. За отсутствием более убедительных доводов в пользу англо-американского господства над миром они готовы обосновывать эти притязания хотя бы тем, что Англия и Америка будто бы сохранили для мира достижения антич-

¹ В нашем обзоре содержания журнала мы остановимся лишь на наиболее характерных статьях и рецензиях.

ности. Не имея опоры ни в настоящем, ни тем более в будущем, они, как типичные представители отживающего класса, ищут ее в далеком прошлом других народов.

В своей рецензии Ласт упрекает составителей Оксфордского словаря в том, что они не рассмотрели вопроса о реках, как о границах, произвольно избранных римскими правителями для империи. Идеалист Ласт, считающий, что все события истории объясняются желанием правительств, заявляет, что только на основании подробного изучения рек древности можно понять, на чем римляне основывали «выбор своих границ». По его мнению, Август не дошел до Эльбы не потому, что римляне не имели сил наступать, а лишь потому, что Эльба была неподходящей границей, так как враг легко может перейти ее и зимой и летом. Этот вопрос о границах, по его мнению, особенно важен потому, что современная «западная цивилизация» распространена в тех же пределах, в которых некогда была распространена римская. Проповедь империалистической агрессии Ласт доводит до логического конца в заметке «Рим и друиды». Он не считает, что гонение на друидизм при первых императорах было мерой политического порядка, вызванной борьбой с галльским сепаратизмом. Римляне, по его мнению, руководствовались лишь стремлением «цивилизовать» варваров. Эту «цивилизаторскую» миссию Рима, продолжает Ласт, особенно должна оценить Западная Европа в настоящее время, «когда она поняла, что имеет свою унаследованную от Рима цивилизацию, общую с заокеанскими странами и резко отличную от цивилизации ее соседей на континенте» (1949, стр. 5), когда, по мнению Ластва, одним из наиболее срочных стал вопрос о том, «удастся ли продвинуть границы этой западной цивилизации в Европе за линию, бывшую некогда римской границей» (там же). Восхваляя римскую агрессию, Ласт намеренно закрывает глаза на тот общеизвестный факт, что народы, сумевшие отстоять свою независимость, не только не отстали в своем развитии, но, напротив, создали более высокие производительные силы и военную организацию, что обеспечило им победу над империей и сделало их посетителями более прогрессивного способа производства. В этой заметке особенно наглядно видна связь между идеализацией Римской империи и открытыми агрессивными призывами к наступлению на «Восточную Европу», т. е. на страны народной демократии и СССР.

Стараясь услужить своим заокеанским единомышленникам, Ласт «забывает» знаменитую характеристику римской «цивилизации», вложенную Тацитом в уста вождя британцев Калгака: «грабить, убивать, похищать — этому они дают лживое наименование власти, а там, где они создают пустыню, они говорят, что установили мир» (Agr., XXX); умалчивает он и о том, как сам Тацит оценивал результаты распространения римской «цивилизации» в Британии: «по неопытности они (т. е. британцы — E. III.) называли это культурой, хотя это и было частью их рабства» (Agr., XXI). Восхваляя римских агрессоров в угоду американскому империализму, Ласт «забывает», какой ценой его собственная родина некогда поплатилась за приобщение к «римской цивилизации». В речи на XIX съезде КПСС товарищ Сталин подчеркнул, что «раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их „превыше всего“. Теперь не осталось и следа от „национального принципа“ Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт»¹.

В статье о Риме и друидах Ласт сам формулирует свое общее представление о задачах и методах изучения истории, которое, как он заявляет, разделяет подавляющее большинство его коллег. Он пишет, что, если бы отношение римлян к друидам вызывалось только политическими мотивами, оно не могло бы возбудить интереса в историке, так как история, говорит он, имеет дело прежде всего с «идеями, чувствами, эмоциями и страстями» (1949, стр. 4). По его мнению, «все должны согласиться с тем», что исторические события имеют интерес только в связи с выяснением чувств совершивших их людей; что цивилизация — это система идей, ничего общего не имеющая с материальными условиями жизни людей. Так, в своей ненависти к историческому мате-

¹ И. В. Сталин, Речь на XIX съезде партии, Госполитиздат, 1952, стр. 12.

риализму буржуазные «ученые» нашего времени делают огромный шаг назад даже по сравнению с историками конца XIX и начала XX в., которые все-таки не отметили так безоговорочно «материальные условия жизни людей».

Крайний идеализм и агностицизм, характерный для современной буржуазной историографии, ярко отразился и в рецензии Ласта (1949, стр. 116—121) на сделанное Сомеруэллом сокращенное изложение шеститомной работы А. Тойнби «A Study of History». Раскритикованная уже в советской печати реакционнейшая концепция Тойнби представляет собой некое соединение идей Шпенглера и Ростовцева с представлениями о «западной цивилизации», которую он называет «западным христианством», как наследнице апличной культуры. Для Греции и Рима, рассматриваемых им как единое целое, Тойнби строит следующую схему: до 431 г. до н. э. существовало «творческое меньшинство», которое по некоему «внутреннему зову» создавало культурные ценности, воспринимавшиеся «нетворческим большинством». Но с 431 г. начался «период смут», окончившийся в 30 г. до н. э. установлением «универсального государства». В этом государстве меньшинство уже ничего не создает, а только управляет. Поэтому большинство, обратившееся в пролетариат, начинает недоверчиво относиться к правителям, организовывается в церковь и, объединившись с «зарубежным пролетариатом» (т. е. с «варварами»), разрушает государство и цивилизацию, остатки которой продолжают, однако, жить в церкви и передаются западному христианству.

Вот эту-то бредовую «концепцию» Ласт считает еще слишком «материалистической». Во-первых, он упрекает Тойнби в самой попытке найти какие-то общесоциальные законы. Во-вторых, он недоволен Тойнби за то, что тот определяет общество как совокупность лиц, имеющих каждый свое «индивидуальное поле деятельности». Ласта не удовлетворяет даже общество Робинзонов, столь модное некогда среди буржуазных социологов XIX в. По мнению Ласта, люди, и даже не все люди, а только «творческое меньшинство», не действуют, а мыслят. Историк, пишет он, должен заниматься только теми событиями, которые являются выражением мыслей или которые повлияли на мысли. Но так как люди часто действуют на основании не размышлений, а эмоций, историк, по мнению Ласта, должен изучать не только рациональное, но и иррациональное в человеке. Сделать это можно только, отказавшись от попытки найти какие-то общие законы. Самое большее, на что историк может рассчитывать, это объяснить, почему те или иные идеи породили ту или иную цивилизацию. Отрицая существование исторических законов, Ласт, останавливаясь на вопросе о Гракхах, ополчается и против определения реакции как движения, идущего против поступательного развития общества, так как, по его словам, никто не может знать, что такое развитие и куда оно идет. Наконец, Ласт считает, что Тойнби неправомерно делит цивилизацию на греко-римскую и западно-христианскую. По его мнению, западноевропейская цивилизация не испытала в своем развитии никакого перерыва, начиная с зарождения греческой культуры и вплоть до наших дней. Так, Ласт отрицает поступательное развитие общества и старается показать, что историческому процессу не свойственны революционные переходы от одной формации к другой.

Вот эти-то реакционные теории, отрицающие поступательное развитие человечества, представляют собой «последнее слово» английских буржуазных историков древности. Но, став на позиции идеализма и агностицизма, они оказываются бессильными в своей практической деятельности историков, когда они пытаются объяснить те или иные события. Вот, например, рецензия известного специалиста по истории республики Керри (1949, стр. 157 сл.) на книгу Коуэлла «Cicero and the Roman Republic». Рецензент хвалит автора за то, что, исследуя те времена, столь близкие, по его мнению, к современности, он решительно отверг теорию «классовой борьбы», как «диагноз болезни времени», и «доказал», что причиной падения республики не мог быть и экономический кризис. Что же привело к гибели Римскую республику? То, что массы утратили веру в «нравы предков», а «естественные руководители государства» впали в опасную апатию, в результате чего верх взяли всякие «гангстеры» и «борьба сословий» сделала необходимым «некоторые реформы». Коуэлл и его рецензент делают шаг назад даже

по сравнению с Аппианом, понимавшим, что борьба в конце республики велась из-за землевладения. В упоминавшейся выше рецензии Момильяно (1949, стр. 155—157) на книгу Эд. Мейера «Römischer Staat und Staatsgedanke» рецензент признает невозможным связать историю конституции с анализом тех социальных сил, которые на нее влияли. Поэтому он призывает к отказу от попыток внести коррективы в «Государственное право» Моммзена, рассматривавшего римские государственные учреждения в их статике, а не в развитии.

Такую же беспомощность обнаруживает Джонс в рецензии (1948, стр. 149 сл.) на книгу Уолбенка «The decline of the Roman Empire in the West». Кстати говоря, это одна из немногих книг, в которой автор учитывает существование рабства в империи и между прочим указывает на рабский труд и на презрение к труду свободных как на одну из причин застойности техники в империи. Джонс решительно полемизирует с Уолбенком, утверждая, что вообще невозможно дать ответ на вопрос, почему в ту или иную эпоху творческая мысль работает в той или иной области. Столь же невозможно, по его мнению, и найти причину упадка империи.

Показательна и рецензия самого Уолбенка (1950, стр. 129—132) на двухтомную работу Корнемана «Weltgeschichte des Mittelmeerraumes...»¹. Рецензент отдает себе отчет в реакционной сущности философии Корнемана. Он отмечает его фатализм, идеализм, заставляющий объяснять все исторические события распространением идей, а роль крупных исторических деятелей — предначертанной им судьбой миссией. Уолбенк критикует Корнемана за игнорирование социально-экономических условий и пишет, что «эта почти невероятная слепота ко всему, кроме идеалистических причин, придает многому в книге Корнемана нереальный вид» (1950, стр. 131). Но вместе с тем Уолбенк ничего не противопоставляет философии Корнемана. Мало того, он называет работу Корнемана «серьезным трудом», «достойным завершением его плодотворной научной деятельности». Что же привлекло его в книге, которую он сам подверг столь суровой критике? Уолбенк не говорит об этом прямо, но мотивы его нетрудно прочесть между строк. Так, он указывает, что в основе построения Корнемана лежит определенная схема: противопоставление «великих правителей», ориентировавшихся на запад, «великим правителям», ориентировавшимся на восток. Такими парами являются Филипп и Александр, Цезарь и Август, Диоклетиан и Константин. Уолбенк считает эту схему упрощенной и критикует ее отдельные детали; например, он замечает, что войну с Персией задумал уже Филипп, что Цезаря нельзя считать безоговорочно восточным монархом и т. п. Но он не ставит под сомнение самое противопоставление Европы и Азии и исконное противоречие между ними, которое составляет краеугольный камень труда Корнемана, как и огромного большинства трудов современных фашистских и фашиствующих историков, стоящих на позициях расизма и европоцентризма и считающих народы Азии лишь извечным объектом колониальной экспансии. В начале своей рецензии он особо отмечает, что неслучайно во введении и в заключении к книге Корнемана появляется имя Шпенглера; по его мнению, работа Корнемана — это прежде всего история людей, которым Европа обязана своим культурным наследством, и, следовательно, это книга о культуре и будущности Европы.

Таким образом, современный буржуазный историк, даже способный понять бесплодность идеализма, доведенного до очевидного абсурда, все-таки не смог противостоять проповеди европоцентризма и «цивилизаторской миссии» Западной Европы, как наследницы античной культуры, за которой, как мы видели на примере Ласта, ясно видна откровенная проповедь империалистической агрессии.

С общими установками этих историков тесно связаны и метод подхода к отдельным частным вопросам. Круг тем, занимающих авторов журнала, очень ограничен. Их не интересует ни экономика, ни широкие народные массы, ни жизнь провинций (кроме военной организации, о чем будет сказано ниже). В основном авторов занимает юридическое обоснование власти Августа, Нерон, «обращение» Константина, кое-какие

¹ Ср. рецензию А. И. Немировского: ВДН, 1952, № 4, стр. 115—121.

моменты из истории римского права, раннего христианства и т. п. Все эти вопросы рассматриваются без всякой связи с реальной действительностью, только с точки зрения абстрактных юридических норм или психологии действующих лиц, которую, кстати сказать, авторы оценивают, исходя только из собственных своих взглядов на вещи, так как им совершенно чуждо соображение о том, что окружающая действительность воспринятие ее, скажем, для Нерона или Константина были иными, чем для Чарльз-морта или Бейнза.

Imperium и auctoritas Августа попрежнему стоят в центре внимания, причем пишущие о них авторы совершенно абстрагируются от исторической действительности, от классовой борьбы, соотношения сил различных социальных групп, интересуясь только отвлеченными юридическими понятиями. Так, Ласт в статье «Imperium maius» (1947, стр. 157—164) доказывает, что imperium maius могло быть двух типов: типа А, когда носитель его, например, консул, не вмешивался в действия носителя imperium minus, например претора, и не нес ответственности за его действия, и типа В, когда первый, например, диктатор, распоряжался всеми остальными носителями империя и отвечал за государство в целом. По мнению Ластва, если Август имел imperium maius, то это было imperium типа А.

Свои взгляды на соотношение imperium и auctoritas Ласт развивает в подробной рецензии (1950, стр. 119—123) на книгу А. Магдалена «Auctoritas principis». По мнению Ластва, исключительное положение Августа в государстве объясняется величиной тех провинций, над которыми он имел imperium. А так как Август использовал свою власть ко «всеобщему удовольствию» граждан, они давали ему возможность действовать по своему усмотрению, что и явилось источником его auctoritas. В силу auctoritas он скорее подавал советы, чем отдавал приказания. Особое значение auctoritas имела в отношениях с сенатом, где не могло быть применено imperium.

В статье «The imperium of Augustus» (1951, стр. 112—119) Джонс настаивает на важности вопроса о юридическом оформлении власти Августа. По мнению Джонса, Августу нужна была республиканская фикция ради таких людей, как Цицерон, Ливий, Пет Траезя, Тацит, которых он называет выходцами из «муниципальной буржуазии». По его мнению, эта «буржуазия» в душе не сочувствовала республике. Ее республиканизм был простой сентиментальностью, и республиканская фикция ее вполне удовлетворяла. Джонс считает, что по настоящему была оформлена только власть Августа над провинциями, где он имел проконсульское imperium; в Риме и Италии власть Августа укрепилась только после того, как сенат даровал ему консульское imperium, дававшее реальную власть над Италией. По мнению Джонса, затруднения при вступлении Тиберия на престол вызывались именно тем, что Тиберий не имел консульского империя.

Для этих статей, особенно для статей Ластва, характерно обычное в современной англо-американской литературе стремление представить власть Августа мягкой и благодетельной для «всех граждан». Корни этого стремления ясны. Идеологи буржуазии, стремящейся к диктатуре фашистского типа, стараются доказать, что диктатура, подавляющая массы, может быть одновременно благодетельной, конституционно-оформленной, общепризнанной. Поэтому они сосредотачивают свое внимание на вопросе о разных категориях imperium Августа, на толковании термина auctoritas, абстрагируясь от того, как, через кого и в чьих интересах осуществлял Август свою «функцию подавления». Вскользь упоминаемые Джонсом понятия «знать» и «муниципальная буржуазия» не наполнены никаким содержанием, так как он не пытается показать, с какими формами хозяйства была связана та или другая группа (не говоря уже о неприемлемости самого термина «буржуазия»), какие реальные, экономические интересы толкали их на поддержку или оппозицию империи, каковы были их взаимоотношения между собой и с эксплуатируемыми классами. От решения всех этих вопросов, ответ на которые незамедлительно вскрыл бы всю несостоятельность абстрактно-юридического подхода к власти Августа, Джонс и подобные ему отделяются молчанием. Статьи Ластва об Августе — чрезвычайно яркое свидетельство банкротства его «теории» истории как «истории чувств». По его мнению, Август имел auctoritas потому, что его «любили и

уважали», а уважали его за то, что он разумно пользовался различными видами своего *impregium*. Но каким образом он получил *impregium*? Об этом Ласт умалчивает, так как, чтобы ответить на этот вопрос, одной теории «чувств» мало. Пришлось бы говорить о кризисе полиса, об эксплуатации провинций, о классовой борьбе, т. е. о явлениях, не имеющих ничего общего с «чувствами» и «идеями» в понимании Ластва.

В таком же плане написана рецензия Джильса (1951, стр. 161 сл.) на прочитанную Саймом в 1950 г. в Сиднее лекцию под названием «*A Roman post-mortem. An Inquest on the Fall of the Roman Republic*». Рецензент весьма одобряет тему лекции, в которой Сайм рассматривает, как римляне, от Саллюстия до Тацита, судили о гибели республики. По мнению Джильса, работа Сайма представляет особую ценность потому, что она показывает, как люди могут утешиться в гибели демократии. Такая постановка вопроса, заключает рецензент, связывает античность с современностью и доказывает актуальность изучения истории Рима «и здесь, и у антиподов». Такая модернизация идеологии империи нужна автору и рецензенту для обычной среды современной буржуазной историографии проповеди «сильной власти» в интересах правящего класса, каковой они считают власть Августа.

Рецензия Байли (1951, стр. 163 сл.) на книгу Лесли «*The epicureanism of Titus Pomponius Atticus*» показывает, как преклонение перед США может заставить английского рецензента восхищаться самой невежественной книгой, повидимому, только на том основании, что она вышла в Филадельфии. Фигура Аттика, крупного дельца — рабовладельца и землевладельца, наживавшегося и на работах-переписчиках, и на землях в Эпире, и на должниках, и на разнообразных политических связях в различных лагерях, позволявших ему сохранять свое состояние, какая бы «партия» ни находилась у власти, достаточно хорошо известна. В. С. Сергеев справедливо характеризовал его как один из ярких «социальных типов» конца республики, как представителя рабовладельцев нового типа, пришедших на смену старой знати и ставших опорой империи. И вот этого-то Аттика, бывшего, между прочим, тестем Агриппы, Лесли, с полного одобрения своего рецензента, характеризует как «маленького человека», умеренного, высококультурного, миролюбивого, стремившегося примирить все партии и имевшего друзей во всех партиях только потому, что он хотел сохранить спокойствие духа и не желал вмешиваться в политику. Конечно, сделать из Аттика такую икону можно было только в результате крайнего невежества и стремления возвеличить дельцов, способных наживать деньги, применяясь к любым политическим ситуациям. Хвалить же такое произведение рецензент мог, повидимому, лишь в силу пресмыкательства перед всем, идущим из США.

В этой связи стоит указать и на рецензию Курселля (1951, стр. 202 сл.) на вышедшую в издании католического университета в Вашингтоне книгу Элсперманна «*The attitude of the early Christian latin writers toward pagan literature and learning*». Рецензент заявляет, что книга содержит интересные и новые идеи. При ближайшем рассмотрении идеи эти сводятся к тому, что церковные писатели, осуждая языческую литературу, тем не менее использовали ее в своих сочинениях; факт, несомненно известный всякому, даже бегло знакомому с патристикой.

Весьма типична также статья Чарльсворта «*Nero: some aspects*» (1950, стр. 69—76). Автор утверждает, что нельзя понять политику Нерона, не учитывая его веры в свой артистический талант и его любви к грекам. Сложный вопрос взаимоотношений Рима и Парфии сведен в статье лишь к впечатлению, произведенному на парфян приемом Тиридата, вопрос о политике Нерона — к его артистическим вкусам. Население восточной половины империи автор представляет как единую массу. Классовые противоречия, чрезвычайно острые и в самой Греции и особенно в восточных провинциях, для него не существуют. А между тем только на основании анализа этих противоречий можно подойти к разрешению действительно интересного вопроса о причинах временного успеха лже-неронов и о традиции, связанной с Нероном. В рецензии Чильвера (1951, стр. 154 сл.) на книгу Леви «*Nerone e suoi tempi*» рецензент справедливо упрекает автора книги в тех же ошибках, которые делает Чарльсворт. Он пишет, что Леви, рассматривая как нечто единое интересы «Италии», «Востока», «Запада», или утвер-

ждая, что императоры разоряли «богатых» и обогащали «пролетариат» и солдат, допускает большую ошибку, упрощенно подходит к классовой структуре империи. Но рецензия Чильвера в этом смысле представляет собой редчайшее исключение; к тому же она слишком кратка, чтобы показать, как сам автор судит о классовой структуре и классовых противоречиях в империи. Подавляющее большинство авторов так же, как Чарльсворт, рассматривают население «Запада», «Востока» или отдельных провинций как нечто монолитное. Так, например, Дунбабин в рецензии (1951, стр. 179—181) на III том работы Паче по истории и культуре античной Сицилии особенно хвалит автора за то, что он показал «единство культуры Сицилии от неолита до наших дней», хотя, по его мнению, автор и не смог достаточно ярко показать общий «сицилийский дух», пронизывающий эту культуру. Таким образом, стирается не только вопрос о классах, но даже и об историческом развитии, остается только какой-то неуловимый «сицилийский дух», который к тому же оказывается не сицилийским, а греческим, так как, по Дунбабину, местное население внесло в культуру, созданную греческими колонистами, только свой «темперамент».

Тот же подход мы видим в статье Нокса «Church and State in the New Testament» (1949, стр. 23—30). Автор ставит вопрос, почему в евангелиях встречается и отрицательное, и положительное отношение к римскому государству? Он доказывает, что население Палестины не было предано Риму, так как жертвоприношения в Иерусалимском храме в честь императоров совершались без пения гимнов и других обрядов, которые могли бы возбудить в присутствующих любовь к правительству. Значит, заключает Нокс, отрицательное отношение к империи евангелисты заимствовали у жителей Палестины. Напротив, эллинизованные иудеи диаспоры, доказывает автор, были преданы императорам, чем заслужили даже ненависть оппозиционных кругов Александрии и Рима; их-то влияние, по его мнению, отразилось в апостольских посланиях, благоприятных правительству. Характерно, с какой последовательностью автор абстрагируется от исторической действительности, заменяя ее умозрительными категориями. Он даже не затрагивает вопроса о том, каков был социальный и этнический состав христианских общин, какие социальные группы на Востоке поддерживали римское господство, а какие с ним боролись, каковы были их взаимоотношения в разные периоды и как все эти моменты могли отразиться в книгах Нового завета. Остается «население», все целиком любившее или не любившее римское правительство. Неудивительно, что все причины, вызвавшие восстание в Иудее, автор склонен сводить к тому, что в Иерусалимском храме не пели гимнов в честь императоров и не рассказывали об их доблести.

Неудивительно также, что Бейнз в рецензии (1949, стр. 158—160) на книгу Паланка «Les impériaux antiques» упрекает автора в том, что он не показал роли религиозных представлений как движущей силы римского империализма; или что Лёфстедт в статье «The style of Tacitus» (1948, стр. 1—8) доказывает, что Тацит был далек от политики и что только личные переживания сделали его пессимистом. Только к таким убогим, ничего не объясняющим и прямо противоречащим исторической действительности выводам могут придти историки, стоящие на идеалистических позициях.

Объявив себя непосредственными наследниками и преемниками древнего Рима, сотрудники JRS проявляют особый интерес к поздней империи и, в частности, к Константину, которого считают ее единоличным творцом. Прямо или косвенно они стараются доказать, что поздняя империя была процветающим государством, а Константин — величайшим деятелем. Все это весьма знаменательно. Еще не так давно англо-американские античники желали видеть в поздней империи устрашающий пример результатов стеснения «частной инициативы» государственным вмешательством в экономику. В связи с этим период поздней империи, рассматривавшийся как период гибели античного «капитализма», рисовался в самых мрачных красках, как время полного упадка, чуть ли не как конец мира. Теперь, в связи со стремлением представить Западную Европу и Америку посетителями античной цивилизации, английские историки стали на прямо противоположную, хотя и не менее реакционную позицию. Идеализируя позднюю империю и то, что они именуют «делом Константина», они, как мы

уже видели выше на примере Ласта, пытаются установить единую непрерывную линию «западноевропейской» цивилизации от Гомера до наших дней, включив в нее как некую неотъемлемую, органическую часть и христианство.

Бейнз в рецензии (1951, стр. 155—158) на книгу Фогта «Konstantin der Grosse und sein Jahrhundert», представляющую собой апологию Константина, называет этого императора «великим строителем моста, соединившего древность с христианской эпохой». Мысль, что Константин мог из политических соображений думать о союзе с церковной организацией и рассчитывал извлечь выгоды из этого союза, начисто отвергает Мосс в рецензии (1949, стр. 167—169) на книгу Альфельди «The conversion of Constantine and pagan Rome». Сам Альфельди в статье «On the foundation of Constantinople» (1947, стр. 10—16) доказывает, что Константин, будучи христианином, тем не менее готов был жить в мире с римской языческой знатью и, только увидев языческие жертвоприношения по случаю празднования вивенаций, потерял терпение и основал Константинополь.

Авторов этих работ Константин интересует только с точки зрения его отношения к христианству, причем этот вопрос совершенно отрывается от всего комплекса проблем, связанных с установлением домината. Авторы, повидимому, считают вполне возможным, что Константин мог, руководствуясь только своими личными убеждениями, круто изменить политику в одном из актуальнейших вопросов своего времени, ни на кого не опираясь и не встречая никакого сопротивления. На самом деле, не подлежит сомнению, что союз Константина с церковью был вызван политическими соображениями и интересами той группы феодализирующейся знати западных провинций, которая привела Константина к власти и нуждалась не только в сильном государстве, но и в сильном идеологическом оружии для подавления масс. По историкам, стоящим на антинаучной точке зрения противоположности «героев» и «толпы», конечно, не могут признать, что Константин действовал не по «вдохновению свыше».

В том же плане написана и статья Чарльсворта «Imperial department» (1947, стр. 34—38). Исходя из сходства некоторых черт придворного церемониала при дворе Ахеменидов и поздних римских императоров (пошение париков, употребление румян и т. д.), Чарльсворт полагает, что в Рим эти черты проникли через царство Сасанидов. Заимствование этих черт в Риме объясняется, по мнению Чарльсворта, тем, что только греки и римляне могли понять идею правителя как «первого среди равных»; остальные народы, вошедшие в состав империи, могли быть преданы только сверхчеловеку, избраннику богов. Эта «теория» для доказательства превосходства «эллинов» над «варварами» ставит на голову все исторические факты. Ведь с конца III в., когда императоры принимают восточный ритуал, никакие новые народы в состав империи не включались, а те, которые уже в нее входили, не только не были преданы «избранникам богов», но, напротив, все более активно восставали против них. Если бы Чарльсворт попытался из области «истории чувств» перейти в область подлинной истории, ему пришлось бы признать, что интересующие его изменения в придворном этикете были результатом усиления императорской власти, которое было тесно связано в свою очередь с ростом революционного движения народных масс, а это опять-таки разрушило бы картину государства, процветающего под властью хороших правителей.

Как это ни странно, но доказать цветущее положение государства и благоденствие подданных при поздней империи английские историки пытаются на материале египетских папирусов, причем всем известные данные о тяжести налогов, бегстве крестьян, запустении земель, развитии патронатия они или вовсе отменяют, или объявляют маловажными по сравнению с теми духовными благами, которыми якобы наслаждались египтяне. Джонс в рецензии (1949, стр. 171 сл.) на цикл публичных лекций Белла, изданных под общим названием «Egypt from Alexander to the Arab conquest», упрекает автора в том, что он рисует слишком мрачными красками положение Египта в период поздней империи. По мнению Джонса, для египтян это было самое счастливое время во всей их истории, так как из дедитиццев они стали гражданами, два или три егип-

стали сделали большую чиновничью карьеру. К тому же и в области религии с распространением христианства Египет начал играть ведущую роль. Повидимому, Джонс совершенно не сознает смехотворности и наивности своих доводов. Впрочем, такая система аргументации вообще, очевидно, ему свойственна; в статье, посвященной в основном бюрократическому аппарату поздней империи «The Roman civil service» (1949, стр. 38—55), он доказывает, что римская бюрократия при всей своей испорченности была полезна: во-первых, потому, что чиновники, посланные в провинции римским правительством, «жалели» провинциалов и грабили население не так интенсивно, как «эгоистичным» наместники, а во-вторых, потому, что, набивая свои карманы, они кое-что уделяли и казне, тогда как своекорыстные магнаты помнили только о своих интересах. Конечно, при таком своеобразном подходе к оценке деятельности государственного аппарата легко признать, что египтяне стали безмятежно счастливы, когда у них появилась надежда, что их смогут, наконец, грабить и такие чиновники, которые вышли из числа их соотечественников.

Доводы Джонса при всей их несостоятельности, повидимому, подействовали, в известной мере на Белла. В следующем году он написал рецензию на вышедшую в Принстоне книгу американских историков Джонсона и Уэста «Byzantine Egypt: economic studies» (1950, стр. 123—128)¹. Авторы доказывают, что во времена поздней империи Египет процветал, крестьяне были свободны, их положение было лучше, чем когда-либо. Все данные кодексов и папирусов, противоречащие этим положениям, авторы объявляют «не отражающими действительности». К этой же категории они произвольно относят и все свидетельства о развитии патронизма. Оспиваются они на том, что, если бы в империи все в самом деле обстояло так плохо, как выглядит по кодексам, то империя должна была бы пасть. При этом их почему-то не смущает то обстоятельство, что империя действительно пала. Белл слишком хорошо знает историю Египта, чтобы безоговорочно согласиться с этими «неожиданными», как он пишет, взглядами. С самого начала он отмечает многочисленные фактические ошибки, допущенные американскими историками, и указывает, что эти ошибки заставляют особенно осторожно относиться к их выводам. Но все-таки он заканчивает рецензию призывом пересмотреть представления о позднеримском Египте и признает, что, может быть, они действительно слишком мрачны.

Обращаясь столь свободно с источниками, когда это им нужно для доказательства их реакционных концепций, английские историки стоят на позициях крайнего гиперкритицизма в работах, специально посвященных критике источников. Их метод подхода к источнику формален и субъективен. Источник, или какая-то его часть, объявляется позднейшей фальшивкой или интерполяцией на том основании, что он написан не вполне тем стилем, каким должен был бы быть написан, по мнению данного исследователя, или же содержит мысли и выражения, которые, по его же мнению, не могли принадлежать данному автору. Такой метод подхода к античным источникам, конечно, себя не оправдывает: во-первых, потому, что психология современного английского историка не может быть критерием для психологии римского историка, политика или юриста и, во-вторых, потому, что до нас дошла лишь незначительная часть римской литературы, на основании которой нельзя с уверенностью говорить об особенностях стиля того или иного периода, его «литературном фоне», устанавливать заимствования и т. п. Наконец, формальный анализ отдельно взятых из источника фраз и выражений вообще может дискредитировать любой источник. Современными английскими исследователями даже не ставится наиболее важный вопрос о социальной направленности того или иного источника.

Вопросам критики источников посвящено несколько статей и рецензий. Гендерсон в статье «De commentariolo petitionis» (1950, стр. 8—21) доказывает, что письмо Квинта является фальшивкой I или II вв. н. э. Аргументация Гендерсона чисто формалистична: так, он считает, что в 64 г. еще нельзя было обвинять Катилину в кровосмесительной связи с сестрой, так как это обвинение Цицерон позже предъявлял Клодию;

¹ См. рецензию И. Ф. Фихмана: ВДИ, 1952, № 2, стр. 193—200.

значит, Катилина здесь поставлен вместо Клодия и т. д. Аргументы эти мало убедительны, так как инвективы против политических, а с распространением христианства и против религиозных противников строились обычно на основе определенного комплекса обвинений, которые вовсе не обязательно соответствовали действительности; в этот комплекс входила и растрата состояния, и особо чудовищный разврат и т. п. Поэтому нельзя отвергать *De petitione consulatus* как исторический источник только на основании приведенных Гендерсоном «ображений».

По чисто стилистическим соображениям отвергают подлинность писем Саллюстия к Цезарю Френкель в рецензии (1951, стр. 192—194) на книгу Шуэ «*Les lettres de Salluste*» и Эдкок в рецензии (1950, стр. 138—140) на книгу Тайлор «*Party politics in the age of Caesar*»¹. Оба эти автора считают «Письма» позднейшей фальшивкой, подделкой под архаизирующий стиль исторических сочинений Саллюстия, который будто бы не стал бы писать политический памфлет таким стилем. Но ни тот, ни другой автор не предлагают собственного решения по вопросу, кто же и когда писал письма Саллюстия, чьи интересы они отражают и зачем они были написаны. Додд в статье «*The fall of Jerusalem and the abomination of desolation*» (1947, стр. 47—54) доказывает, что пророчества евангелистов о падении Иерусалима составлены еще до начала Иудейской войны на основании библейских описаний разрушения Иерусалима Навуходоносором. Автор ссылается на то, что римляне не смогли бы убивать женщин и детей, и, следовательно, упоминание о таких фактах в пророчествах не могло к ним относиться. Очевидно, автор, стремясь сохранить веру в римскую гуманность, сознательно умалчивает о тех жестоких методах, какими римляне подавляли восстания в провинциях.

Особенно свирепствует гиперкритицизм в области римского права. Большая часть «Дигест», «Институций» Гая и ряд других источников считается византийской интерполяцией. Против этой тенденции выступает Доб в рецензии (1948, стр. 113—117) на книгу Шульца «*History of Roman legal science*». Он указывает, что подлинность «Институций» Гая подтверждается находками папирусов, и считает несерьезными аргументы Шульца, отвергающего *Collatio legum Mosaicorum et Romanorum* на том основании, что приведенные там сопоставления библейских и римских законов «поверхностны» и «разумный человек» не стал бы их делать.

Отвергнув таким образом почти все юридические источники, буржуазные историки и юристы пытаются подойти к изучению истории римского права косвенным путем, разбирая риторические школьные упражнения и пытаясь восстановить по ним действовавшие законы. Рецензии на три посвященные этой теме книги были опубликованы в JRS за 1950 г. (стр. 154—158). Авторы книг: Лафранчи, Боннер и Паркс, независимо друг от друга, пришли к выводу, что многие идеи, понятия и термины, которые теперь рассматриваются как позднейшая интерполяция в Дигестах, встречаются в риторических упражнениях и, следовательно, были известны классическим юристам. Рецензенты в общем готовы с этим согласиться, но считают необходимым выяснить, заимствовали ли риторы свои идеи у юристов, юристы у риториков, или те и другие получали их у философов. Но их совершенно не интересует, в какой мере идеи риториков, юристов и философов отражали современную им действительность. Напротив, Боннер осуждает Паркса за то, что тот занялся политическими вопросами, которые, по мнению рецензента, ненужны для истории права.

Формалистический подход к источникам и порожденный им гиперкритицизм также свидетельствует об общем тупике буржуазной исторической науки. Некоторые ее представители, по видимому, ощущают его, но ищут выхода не в изучении прогрессивной марксистско-ленинской теории исторического процесса, недоступной для представителей отживающего класса буржуазии, а в возврате к прошлому, что, по их словам, только и может спасти науку от разложения, к которому она идет. Таковы статьи Брука о Моммзене (1950, стр. 91) и Френкеля о Вилламовице (1948, стр. 28—34).

¹ См. рецензию А. И. Пемировского, ВДН, 1951, № 3, стр. 169 ст.

Неспособность справиться с историческими проблемами повысила интерес к археологии, к описанию и изданию отдельных папирусов, надписей, памятных, произведений искусства. Однако и в этих изданиях не делается ни малейших попыток трактовать их как исторический источник. Все же, повидимому, несмотря на довольно большое количество вещеведческих и искусствоведческих статей, не эти вопросы занимают больше всего английских археологов. В центре их внимания стоят раскопки и аэрофотосъемки остатков военных укреплений времен империи. В разделах Roman Britain публикуется материал почти исключительно о римских крепостях и об устройстве валов. Много места уделено большим исследованиям на лимесе Триполитании; полученные при этом данные о местном и гражданском населении или вовсе не упоминаются, или упоминаются лишь вскользь. Довольно большое число статей и рецензий посвящено отдельным вопросам военной организации Рима. К ним относятся: статья Даллея «The warships of the late Roman Empire» (1948, стр. 47—53), где описаны конструкции, вооружение и типы позднеримских судов по данным недавно опубликованных морских руководств X в.; статья Пибетера «The legionary fortress in Lincoln» (1949, стр. 57—78), в которой опубликованы раскопки лагеря легионов IX Hispana и II Adiutrix; статья Гудчайлда и Вейд-Перкинса «The fimes Tripolitanius in the light of recent discoveries» (1949, стр. 81—95), а также рецензия Ричмонда и Гудчайлда на книгу Барадеза «Fossatum Africae» (1950, стр. 162—165) и многие другие, посвященные последним раскопкам и аэрофотосъемкам в пограничной полосе римской Африки. Они характеризуют систему укреплений III—VI вв. н. э., представляющую собой соединение отдельных небольших крепостей, которые были заняты маленькими гарнизонами римских солдат или местной милиции под командованием римских офицеров, и укрепленных хуторов, заселенных пограничными военными поселенцами-лимитанеями. Надробия с именами солдат и трибунов, а также нерасшифрованные надписи на ливийском языке показывают, что гарнизоны набирались из местных уроженцев. Несмотря на то, что данные раскопок и аэрофотосъемки, повидимому, позволяют судить о системе принадлежавших лимитанеям полей, ирригации, сельскохозяйственных орудиях, авторы упомянутых статей не уделяют им внимания. Их интерес сосредоточен почти исключительно на военной организации.

То же характерно и для статей, посвященных новым исследованиям в Великобритании¹. И здесь подробно разбираются данные об отдельных укреплениях и всей системе Адрианова вала; материалы же, которые позволили бы судить о межевании полей гражданского населения, упоминаются лишь мимоходом. На это направление современной английской археологии обратил внимание Робертсон в рецензии (1950, стр. 173—174) на книгу «A hundred years of welsh archeology». Он указывает, что авторы этого коллективного труда обошли вопрос о взаимоотношении между римлянами и местным населением, хотя разница между римскими и местными поселениями очень велика. Рецензент отмечает, что тот же недостаток свойствен и археологам, работающим в Шотландии, так как они не уделяют внимания даже селам, находившимся вблизи римских укреплений.

Такая направленность современной английской археологии, несомненно, тесно связана с тенденцией возвеличить Рим как военную державу и как «цивилизатора» провинциалов, которые сами по себе не вызывают интереса у английских буржуазных историков, а также и с общим усилением милитаристических тенденций современной буржуазии и ее идеологов. В этой связи стоит отметить и статью Фицхардинга «Naval epitaphs from Misenum» (1951, стр. 17—21). Автор, публикуя четыре новые и анализируя уже известные эпитафии матросов мизенского флота, пытается доказать, что императоры, набирая во флот жителей «бедных и отсталых областей» — бессов, египтян, далматов, киликийцев, — старались доставить «пролетариату и крестьянству» возможность «развить свои дарования» и разделить с более привилегированными классами «те преимущества, которые давала империя». На самом деле флот был самой

¹ J. J o s e p h, Air reconnaissance of north Britain, 1951, стр. 52—65; J. R i c h m o n d, Hadrian's wall: 1939—1944, 1950, стр. 43—56.

презираемой частью римской армии и служба в нем, длительная и тяжелая, давала меньше всего выгод и была признаком бесправного, униженного положения тех, кто в него набирался.

Увлекаясь идеализированной Римской империей, в которой они пытаются видеть прообраз США, авторы JRS совершенно не занимаются ранним Римом и почти не уделяют внимание истории Римской республики. Можно указать лишь несколько незначительных статей, посвященных связанным с ней вопросам. В статье Балдона «Sulla Felix» (1951, стр. 1—10) автор старается выяснить, почему Сулла назывался «Счастливым» в Риме и Эпафродитом в Греции, и как эти эпитеты были связаны с его отношением к богам, снам и приметам. Доб в статье «The peregrine praetor» (1951, стр. 66—70) сравнил функции этого претора при республике и при империи; Гендерсон в статье «The process of repetundis» (1951, стр. 71—88) описал ход этого процесса и его последствия для осужденных; наконец, Джонс разбирает в статье «The aegarium and the fiscus» (1950, стр. 22—29) взаимоотношения между фиском провинциальных наместников и государственным эзарием и доказывает, что эти взаимоотношения в дальнейшем стали основанием для разделения эзария и фиска при империи.

Так выглядят современная английская буржуазная наука о древнем Риме, отраженная на страницах ее ведущего органа. Ее основные черты и их корни достаточно ясны. В бесплодных попытках выработать какую-нибудь теорию, которую они могли бы противопоставить марксизму, буржуазные историки отказались от изучения социальных и экономических вопросов, живо интересовавших историков XIX и начала XX в., и стали на позиции крайнего идеализма. В стремлении оправдать империалистическую агрессию, они восхваляют Римскую империю и ее цивилизацию, объявляя себя ее прямыми наследниками. Но, стоя на этих позициях, они неспособны вскрыть и объяснить до конца какое бы то ни было конкретное историческое явление или событие, так как последовательный его анализ неизбежно привел бы их к тем вопросам экономического развития и классовой борьбы, от которых они хотят отмахнуться. Отсюда откровенная реакционность одних, теоретическая беспомощность и кажущаяся наивность других. Отсюда измелывание интересов, отход от больших общих проблем, интерес к незначительным частным явлениям, увлечение вещеведением, формализм. Все эти черты, характеризующие современную английскую буржуазную историческую науку, находят свое объяснение в том, что «...буржуазия — главный враг освободительного движения, — стала другой, изменилась серьезным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя»¹.

Е. Штаерман